

слоям и прослойкам общества, и др.), поведенческие характеристики (мотивация занятости и др.).

Сегментарный рынок труда – это рынок с четко обозначенными частями – сегментами, на которых сосредотачиваются определенные категории конкурирующих между собой работников. Особое значение имеет выделение сегментов, в которых сосредоточены малоконкурентоспособные группы лиц, нуждающиеся в работе: молодежь, вступающая в трудоспособный возраст; пожилые работники; инвалиды; женщины с детьми, т.е. все те, кто особо нуждается в социальной поддержке со стороны государства.

Сегментация рынка труда имеет большое значение для анализа рынка – изучения его структуры и емкости; выявления контингента, образующего с одной стороны, предложение труда, а с другой, спрос на него; определение перспектив рынка труда. Как маркетинговый подход в управлении, сегментация рынка труда во всем его многообразии позволяет осуществлять целенаправленную политику занятости населения и сглаживания социальных противоречий, неизбежно возникающих в условиях жесткой рыночной системы хозяйствования.

Выводы: 1. Концепция управления человеческими ресурсами представляет собой теоретико-методологическое обоснование процесса взаимосвязанных функций, объединенных в одну общую модель и включает: 1) стратегии и цели; 2) организационную структуру управления социально-трудовыми отношениями; 3) отдельные элементы функций управления; 4) технологии – т.е. способы, посредством которых решаются поставленные задачи; 5) трудовые ресурсы и их характеристики.

2. Эффективное использование человеческих ресурсов требует определения всей совокупности элементов, факторов и критериев, оказывающих существенное влияние на решение того или иного круга действий по достижению намеченных целей.

3. Алгоритм организации эффективного функционирования рынка труда предполагает выявление проблемы в социально-трудовых отношениях, её структурирование и границы разрешения. Структура проблемы включает: а) установление реальной цели управления для решения проблемы; б) определение альтернативных путей решения; в) установление взаимосвязи между компонентами в процессе реализации каждой альтернативы; г) учет внутренних возможностей и внешних факторов воздействия: политического, организационного, социального характера, или так называемых измеримых и неизмеримых, неосязаемых факторов.

Перспективным направлением дальнейших научных шагов явится анализ и оценка государственного и маркетингового подходов к регулированию занятости в Украине и АР Крым.

Источники и литература

1. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 704 с. – С. 222
2. Локтионов М.В. Системный подход в менеджменте. – М.: Генезис, 2000. – С. 16
3. Дударь А.П., Игошин М.М. Рынок труда – система отношений управления человеческими ресурсами // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №63. – С. 45-53
4. Крамаренко В.И., Игошин М.М., Шевченко А.В. Региональная инфраструктура как системное образование в рыночной экономике // Економіка, менеджмент, підприємництво: Збірник наукових праць. – Вид. СНУ ім. В. Даля. – Луганськ, 2005. – № 14 Ч. 1. – С. 6-15
5. Регіональна політика і механізми її реалізації / за ред. акад. НАН України М.І. Долішнього. – Київ: Наукова думка, 2003. – 503 с.
6. Васильева А.В. Рынок труда и проблемы занятости в Крыму // Культура народов Причерноморья. – 1998. – №3. – С. 18-32.

Кучеренко А.Р.

ЭМИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕМЦЕВ В КОНЦЕ 20-НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XX В.

Крым всегда отличался национальной пестротой своего населения. При этом народы, населяющие полуостров постоянно мигрировали. Не исключением был и XX век. Одной из интересных страниц крымской истории этого периода было эмиграционное движение немцев.

Первые проявления эмиграционных настроений появились среди немцев-меннонитов в 1926 году, когда возникло недовольство тем, что при переделе земли заметно уменьшились их земельные наделы. Среди немецких колонистов в первой половине 20-х годов 80% составляли середняки и зажиточные крестьяне-собственники. Процент крупных землевладельцев и малоимущих был низок. Поэтому немцы советской властью были причислены к классу эксплуататоров, несмотря на то, что они трудились на равных вместе с наемными рабочими. Из «революционных» интересов земли немецких колонистов сократили в два раза, тогда как наделы всех других народов были значительно расширены. Отрицательное отношение немцев к коллективизации заставило многих из них эмигрировать¹.

Одновременно также велась активная агитация за эмиграцию в Америку. Эту работу возглавлял некий Неффе, как указывалось в документах «рупор немецкого кулачества и духовенства». В то время немецкое население Крыма выставляли к советской власти следующие немногочисленные требования: право тайного и демократического голосования в Советы; свободы издания религиозной литературы и т.д.

Пик эмиграционного движения немцев пришелся на период с конца октября и до середины ноября 1929 года. Это явление крымские власти охарактеризовали как «повальное бегство немцев из Крыма»².

Анализируя эту ситуацию позже, 10 декабря 1929 года, областной комитет ВКП (б) констатировал: в

течение года «в обстановке решительного социалистического наступления на капиталистические элементы и общественного обострения классовой борьбы в стране, усилилось сопротивление нашим мероприятиям со стороны кулацкой верхушки немецкой деревни. Причем, при оценке этого явления партийными органами подчеркивалось недовольство коллективизацией в связи с тем, что «у немцев вообще имеется большой уклон к ведению самостоятельного хозяйства». Действуя умело и используя консерватизм хозяйственного уклада и вековые религиозные предрассудки, зажиточные крестьяне и представители духовенства добились определенных успехов, особенно среди немцев-меннонитов, вновь возникло эмиграционное движение, охватившее почти все немецкое население Крымской АССР»³.

Причиной такого подъема эмиграционного движения немецкого крестьянства, главным образом, зажиточной его части, хозяйства которого до революции 1917 года являлось крупнопомещичьим, коренилось в глубоком несогласии с классовой политикой советского государства, пятилетним планом социалистического строительства, хлебозаготовительной политикой и репрессиями в отношении религии.

Политические требования в 1929 году были заметнее шире и сводились к следующему:

1. Разрешить преподавать в школах Закон божий;
2. Восстановить в избирательных правах проповедников;
3. Создать условия для существования и развития индивидуальных хозяйств;
4. Запретить втягивать в пионерскую организацию немецких детей;
5. Запретить пение гимна «Интернационал» в школах;
6. Запретить «наси́льно» (выделено нами – Авт.) втягивать бедняков и середняков в колхозы.
7. Свободно выдавать паспорта для выезда за границу.

Как видим, из большого спектра требований выделяется явное противодействие политике коллективизации.

Партийные органы республики укоряли себя за то, что бедняцко-средняцкая часть немецкого населения в силу слабости партийной массовой политической работы (особенно с беднотой), недооценки общественно-политическими организациями важности этой работы «прозевали движение и трудности ее в специфических условиях немецкой деревни (сильно развитые родственные связи, религиозные и национальные традиции и т.п.). Поэтому, считали крымские парторганы, немцы и подпали под влияние кулацко-зажиточного элемента и пошли за ними, разделяя эмигрантские настроения. Они опирались на собранные ими факты. В Евпаторийском районе, настаивая на отъезде, рядовой крестьянин Эйхлер отвечал: «Мы ничего не хотим, мы хотим выезжать, ибо сегодня я бедняк, завтра середняк, а потом кулак. Я беднейший из всех, но первый поезду». В Симферопольском районе такой же по социальному положению немец, подавший даже заявление на вступление в ВКП (б) и считавшийся сельским активистом, был послан своими соплеменниками в Москву с требованиями разрешить им выезд в Америку. Таких примеров тогда насчитывалось десятками⁴.

Лидерами в эмиграционном движении выступали в первую очередь немцы-меннониты. Многие из них бросали свое имущество и уезжали в столицу СССР. Так, в д. Менлерчик Симферопольского района большинство меннонитов выехали в Москву за тем, чтобы «там жить хоть на улице, но добиться выезда в Германию». В Евпаторийском районе немцы говорили: «Целый год в поте лица работаем, курортов не видели, туда выезжают рабочие, нам же крестьянам и думать об этом не приходится. У нас отбирают хлеб, многие уже сидят без своего хлеба, наше имущество продается с торгов за бесценок и в конце концов, нас сажают в тюрьму. Нам нечего здесь оставаться, когда с нами так обращаются»⁵.

В это время осложнились взаимоотношения немцев с другими национальными меньшинствами республики. Среди немцев-крестьян стали заметно проявляться антисемитские настроения. В селах Симферопольского района имели место такие разговоры: «Советское правительство переоблагает (завышает налоги для – Авт.) немцев, чтобы выжить их с насиженных мест, а евреев переселяет на их земли. Немцы с евреями жить не могут. Настал час, когда каждая национальность должна идти к себе домой». К крымским татарам отношение к немцам также стало более неблагоприятным. К примеру, на сходе жителей деревни Карасан Симферопольского района, в ответ на выступление татар против антисоветской речи немца Ремпеля, все немцы демонстративно покинули собрание. Подобные трения отмечались в ряде других мест⁶.

Учитывая тот факт, что многие немцы хотят выехать из Крыма, местным властям пришлось резко изменять положение дел. 21 ноября 1929 года вопрос об эмиграции немцев был рассмотрен на бюро обкома партии. Пришлось самокритично констатировать, что директива ЦК ВКП (б) от 12 апреля 1928 года «О хозяйственном и культурном строительстве в немецких колониях» не получила должного внимания и была не выполнена. О ней мало были проинформированы, а потому и проявили полную бездеятельность низовые партийные организации. Поэтому слабое крымское партийное руководство своевременно не развернуло политико-просветительную работу в немецкой деревне и допустило размах «агитации кулачества и религиозных вожаков» среди немецкой бедноты. Все насущные проблемы, как в политической, так и экономической сферах, решались в духе того времени, в условиях утверждения административно-командного стиля руководства. Обком партии жестко потребовал от районных и низовых парторганизаций мобилизовать весь наличный состав немцев-партийцев и актив сельских партийных работников и командировать в крупные населенные пункты для проведения разъяснительной работы; задействовать все сельские партячейки для работы среди бедноты и батрачества и возглавить «процесс расслоения немецкой деревни». Наркомату просвещения было указано привлечь к этому делу учительский состав для разоблачения вдохновителей эмигрантского движения, а также прикрепить к населенным пунктам бригады из комсомольцев-учащихся для проведения разъяснительной работы среди немецкой бедняцкой молодежи.

В свою очередь, райисполкомы и сельские советы развернули политико-разъяснительную работу в немецком селе и принимали все меры по ликвидации эмигрантских настроений среди немецкого бедняцко-средняцкого крестьянства. Прежде всего, были запрещены торги немецкого имущества, а также его купля кооперативными и государственными организациями. Все подобные сделки признавались незаконными. Приняты дополнительные меры по охране оставленными немцами имущества, а также все организации и учреждения, купившие его при отъезде немцев, возвращали их имущество вернувшимся. Была оказана помощь бедняцким и средняцким хозяйствам, оказавшимся без хлеба после приезда на прежние места жительства. Члены Центральной комиссии по делам национальных меньшинств Крымской АССР были прикреплены к трем районам компактного проживания немцев для контроля за выполнением предпринимаемых мероприятий в этом направлении⁷.

Тем не менее на очередном своём заседании ЦК по делам национальных меньшинств Крымской АССР, констатировал то, что многие его решения принятые им ранее, так не были реализованы. В информационном сообщении обкома партии констатировалось, что «наблюдавшийся в декабре некоторый перелом со сторону уменьшения эмиграционного движения оказался лишь видимостью и обманул наши предположения, что эмиграционное движение идет на убыль». По имеющимся у нас сведениям можно судить, что стремления немцев покинуть Крым не ослабевало, а приняло несколько иные формы, выразившиеся в скрытом виде, а в отдельных случаях – в открытом виде – к выезду из СССР весной текущего года.

Возвратившиеся из Москвы немцы ждали весны, чтобы отправиться в эмиграцию. Это подтверждается следующими фактами. Они селились не в своих прежних оставленных домах, а в домах и сараях своих соседей, отказывались получать обратно мебель и домашнюю обстановку, живой и мертвый инвентарь. Часть вернувшихся напротив продают последнее имущество, режут рогатый скот, не приступают к весеннему севу. Были случаи отказа колхозов от приобретения тракторов. Категорический отказ от участия в посевной кампании ставил в крайнее положение ее проведение. Местные власти очень боялись невыполнения планов социалистического строительства на селе.

К примеру, крестьяне деревень Бердин, Тимашевка, Кулар-Кипчак и других заявляли: «Хоть на подводах, а обязательно весной этого года уедем. Пешком пойдем, если не удастся уехать, но не останемся». Высказывали такие заявления целыми селениями. В 30 из 35 имеющихся хозяйств деревни Морз распродали все свое имущество. Примечательно, что социальному положению они распределялись следующим образом: 10 из относились к бедным, 14 – средняцким, 6 к зажиточным. Подобная ситуация складывалась и в Симферопольском, Евпаторийском, Феодосийском районах. В деревне Карасан Симферопольского района крымская власть окрестила одним из «центров антисоветской агитации», так как здесь 50 крестьянских хозяйств отказались от земельных наделов.

По-прежнему сохранялся большой авторитет «вожаков эмиграционного движения» - кулаков и проповедников.

Части немцам, прибывшим в большом количестве в Москву, дана возможность покинуть СССР. Они стали часто направлять крымским соплеменникам послания, которые предлагали размножать и передавать от двора ко двору. В этих письмах писалось, как хорошо живется вернувшимся на родину немцам, которым выдали выгодные кредиты на обустройство, получили возможность свободно отправлять религиозные нужды, устраивать молебны по оставшимся в СССР. В посланиях подчеркивалась надежда на то, что власть всех немцев выпустит из советской страны.

Большое влияние на желающих эмигрировать оказывали немецкие иностранные газеты, попадавшие в Крым – «Берлинертагблат», «Франкфуртер Цейтунг», «Кельнише Цейтунг». В них публиковалось много материалов о немцах, проживающих в советской стране. В одной из статей писалось о торжественной встрече в Германии немцев, эмигрировавших из СССР: «Вся Германия была на ногах, когда приехали немцы из СССР. Национальный сбор (по всей видимости, были объявлен сбор пожертвований – авт.) в пользу немцев-колонистов СССР дал миллионы марок». Отметим, что крымские газеты вообще обходили молчанием проблемы немецких поселений. Забегая вперед, скажем, на это было указано крымской прессе со стороны обкома партий⁸.

Были и такие факты подготовки к отъезду. В селах Джанкойского и Карасубазарского районов собирающиеся покинуть СССР немцы фотографировали свои дома и хозяйства. На вопрос «С какой целью это делалось?» немцы отвечали: «А вот приедем в Германию, а оттуда предъявим СССР требование оплатить нам сумму стоимости наших построек».

В течение весны-лета 1930 года недовольство немцев проведением коллективизации продолжало расти. Крестьяне негодовали: «Если бы не было коллективизации, то проповедники и наши родственники-кулаки не были бы высланы из нашей деревни. Мы вместе с инвентарем будем работать в артели, но членами быть не желаем. Или будем активными членами, но только до момента отъезда в Америку». В других деревнях откровенно говорили: «За два года пребывания в колхозе мы обеднели и стали должниками государства. Нас хотят закабалить в колхозе». Поэтому в немецких коллективных хозяйствах появилось много бедствующих людей.

Подтвердим это экономическими показателями. Коллективизация среди немецкого населения успеха не имела и на 1 мая 1930 года составила лишь 32,7%. Наблюдалось резкое сокращение посевных площадей в немецких хозяйствах, хотя среди национальных меньшинств Крыма немцы занимали 1-е место по площади земельных владений, они имели 1/5 часть всей посевной площади полуострова. Посевной клин был сокращен до минимума, необходимого для собственного употребления. Недоимки по сельскохозяйственному налогу немецких хозяйств составили в среднем 6,8 %, а задолженность по самообложению – 54% и по госстраху – 26%. Сокращение немецкого населения в результате эмиграции привело к частичному свертыва-

нию хозяйства немецких деревень, так как выехавшие составляли главным образом зажиточных крестьян, которые почти полностью ликвидировали свои средства производства. В результате хлебозаготовок 1929 года, которые резко сократили кормовую базу и вынудили немцев-крестьян сокращать животноводство. Только с 1 июня 1929 года по 1 июня 1930 года поголовье сократилось на (в %):

	В Симферопольском районе	В Джанкойском районе
Лошадей	46,5	23,3
Коров	38,6	25,8
Свиней	75,7	58,0

Таким образом, материальное положение немцев во время проявления эмиграционных настроений заметно ухудшилось.

Планы и постановления, принимаемые различными органами власти с 1927 по июнь 1930 г. по улучшению положения немецкого населения в большей степени не были учтены на местах. И поэтому в 1930 г. по поручению ВЦИК проводилось обследование немецкого населения. Для этого в Крым приезжал представитель тов. Клингер, который 13 июня 1930 года выступил с докладом о результатах проверки на совместном заседании ЦИК и СНК Крымской АССР. По этому вопросу было принято постановление, которое констатировало, что принятый с октября 1929 года (т.е. в период хлебозаготовок и с момента появления эмиграционных настроений) ряд своевременных постановлений крымской власти «не был должным образом воспринят и проведен в жизнь местными органами власти».

Представитель ВЦИК, высказав массу критических замечаний, указал на необходимость осторожного подхода к немецкому крестьянству с учетом их национально-бытовых и хозяйственных особенностей при проведении хлебозаготовок, обложении сельскохозяйственным налогом и проведении индивидуального обложения, о недопущении случаев продажи имущества и возврата незаконно-проданного имущества, о принятии мер неправильного лишения избирательных прав, об исправлении ошибок, допущенных при коллективизации и раскулачивании, о пресечении административного закрытия культовых домов, о необходимости отмены введения в школах пятидневки и т.п.

Это постановление представляло собой широкую программу решения немецкого вопроса, привлечения на сторону советской власти, а также ликвидации перегибов, допущенных по отношению немецкого населения. В частности она предусматривала следующее:

- Восстановить в избирательных правах, в том числе тех, кто за исполнение потреб и обрядов своей религии и тех, кто лишен за невыполнение контрольных цифр по хлебозаготовкам. Причем подчеркивалось, что проживание в одном доме с лишенными прав не может служить основанием для лишения их прав. Восстановить в правах мелких торговцев, а также крестьян, использовавших в прошлом наемный труд одного рабочего.
- Всем незаконно раскулаченным имущество.
- Категорически запретить какие бы то ни было ограничения выполнения верующими религиозных отправлений.
- Отменить пятидневки, если они были введены без согласий родителей.
- Колхозникам вернуть отобранный у единоличников сельскохозяйственный инвентарь, вернуть земельные участки.
- Ни в коем случае не допускать различий между принадлежащими к одной классовой категории членами СельПО, между колхозниками и единоличниками.
- Дать возможность школьникам школ I ступени учиться в школах II ступени, выделить средства на дополнительные стипендии для беднейшего немецкого населения, финансирования интернатов. Их было в Крыму пять – Керчь, Цюрихталь, Карасан, Спат, Нейзац. Организовать в 1930/1931 учебном году в Джанкойском районе школу-семилетку для немецкой молодежи.

Как видим, в большинстве своём эти мероприятия касались главным образом только сферы идеологии и культуры и не требовали солидных денежных затрат, поэтому выполнялись в течение 1930/1931 года более успешно, чем принятых в конце 1929 года.

Однако немцы не только не хотели такой насильственной реконструкции сельского хозяйства, когда в ходе ее допускались ошибки и перегибы, которые медленно исправлялись, но и были крайне недовольны таким подходом большевиков, что по сути считавших почти всех немцев кулаками. Немцы не могли противостоят таким мерам, как назначение руководителями немецких сельских советов посланцев из города немецкой национальности, а на руководящие должности выдвинутых из немцев практически не было. Среди немецкого населения удивительно, но росла неграмотность, а сель культурно-просветительных учреждений было малой. Огромное возмущение вызывало полное отсутствие свободы религии. Большинство среди немцев были меннонитами, а немцы-лютеране и немцы-католики составляли меньшинство, поэтому меннониты были в первых рядах эмигрантов.

Таким образом, эмигрантское движение немцев явилось одной из форм классовой борьбы, сопротивления кулацко-зажиточной части немецкого крестьянства мероприятиям, проводимым коммунистической партией и советской властью в немецкой деревне.

В ряд главных причин усиления стремлений к эмиграции следует отнести: грубые ошибки и перегибы в проведении хлебозаготовительной кампании; нередкие случаи администрирования в проведении аграрной

политики.

В отличие от стихийной эмиграции первых лет советской власти, когда Крым покидали отдельные семьи зажиточных немцев-крестьян, эмиграция 1929-1930-х годов отличалась массовостью, в основе которой лежало недовольство кулацкой части немецкого населения проводимыми мероприятиями советской власти на селе.

Источники и литература:

1. Центральный государственный архив в Автономной Республике Крым (Далее – ГА АРК). Ф.1, оп. 1. д.1033,л.59.
2. ЦГА АРК.Ф.1,оп.1, д.852, л.2.
3. ЦГА АРК. Ф.1,оп.1.д.892,л.3.
4. ЦГА АРК.Ф.1,оп.1.д.892,л.4.
5. ЦГА АРК.Ф.1,оп.1.д.852,л.4.
6. ЦГА АРК.Ф.1,оп.1.д.1033,л.25,56.
7. ЦГА АРК.Ф.1,оп.1.д.1033,л.26.
8. ЦГА АРК.Ф.1,оп.1.д.1033,л.62.